

На правах рукописи

ИВАНОВ ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

**ВОСТОЧНЫЕ КУЛЬТЫ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
ИТАЛИИ ВРЕМЕНИ ИМПЕРИИ
(РАСПРОСТРАНЕНИЕ МИТРАИЗМА)**

07.00.03 - всеобщая история

**АВТОРЕФЕРАТ диссертации на соискание ученой
степени кандидата исторических наук**

МОСКВА 1996

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории Московского Государственного открытого педагогического университета

Научный руководитель - доктор исторических наук,
профессор И.С. СВЕНЦИЦКАЯ

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, доц.
Г.Т. ЗАЛЮБОВИНА;
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
П.Д. ДИАТРОПТОВ.

Ведущая организация - Московский городской педагогический университет

Защита состоится "22" января 1997 г. в 14.00 часов на заседании Диссертационного Совета Д 113.25.01 по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Московском Государственном открытом педагогическом университете по адресу:

109004, г. Москва, ул. Верхне-Радищевская, 16-18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского Государственного открытого педагогического университета.

Автореферат разослан "19" декабря 1996 г.

Ученый секретарь специализированного Совета

кандидат исторических наук Ю.Д.Акашев

(подпись)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Религия, являясь одним из важнейших элементов духовной культуры, играет особую роль в архаичных обществах. Мирча Элиаде утверждает, что "человек традиционных обществ - это "homo religiosus".

Актуальность темы исследования обуславливается необходимостью изучения проблемы изменения духовных и религиозных ценностей в условиях кризиса античного (полисного) сознания, разочарования в официальных культах - и как следствие этого - поиск новых богов-спасителей. Италия была одним из политических и духовных центров античного мира, поэтому вопрос о том, насколько широко проникали в Италию восточные, иноземные культы, среди каких групп населения они распространялись, представляет особый интерес. Выбор времени - II-IV века н.э. - связан с тем, что это был период наибольшей интенсивности религиозных поисков.

Особым динамизмом среди восточных культов выделялся митраизм, который оказал значительное воздействие не только на эволюцию римского политеизма, но и на формирование духовной среды периода поздней античности. Без учета влияния идеологии и культовой практики митраизма невозможно составить сколь-нибудь полное представление об италийском (римском) менталитете того времени. Актуальность исследования митраизма в Италии III-IV вв. н.э. в значительной степени определяется и его особой ролью в историческом противоборстве язычества с христианством.

Новизна, предмет, цели и задачи исследования. В отечественном антиковедении восточные культы, и в частности митраизм, не фигурировали в качестве самостоятельного объекта исследования. Господствовавшее до последнего времени направление, которое условно можно было бы назвать "социологическим", было ориентировано на поиск социальных детерминат любых процессов, в том числе и происходящих в духовной жизни империи. В этом контексте рассматривалось и распространение восточных мистерий в пределах Италии.

Митраизму отводилась роль лишь одного из многих ориентальных культов.

В зарубежном антиковедении превалирует "дескриптивное" (описательное) направление в изучении проблем митраизма, то есть стремление к наиболее детальному освещению археологических, эпиграфических и нарративных источников, относящихся к культу. Данный подход вовсе не исключает характеристику идеологии и культовой практики митраизма, но практически не затрагивает вопроса о роли и значении митраизма в духовной жизни империи или отдельных регионов (например, Италии). Те исследователи, которые задаются целью изучения роли и места восточных культов в структуре духовной жизни поздней империи, в свою очередь, не акцентируют внимания на особенностях и специфике митраизма, отводя ему роль одной из многих ориентальных мистерий. Подобное направление условно может быть названо "религиоведческим".

Таким образом, выбор предмета нашего исследования был обусловлен стремлением преодолеть ограниченность зарубежного и отечественного антиковедения в изучении проблем митраизма. Компенсировать эти недостатки возможно посредством комплексного ("культурно-исторического") подхода, то есть рассмотрения митраизма во всей совокупности составляющих элементов: от социального и этнического состава общин до особенностей идеологии и специфики культовой практики, а также взаимосвязи с другими религиозными культурами и духовными структурами. То есть предметом нашего исследования является митраизм в Италии периода поздней античности. Таким образом, попытка комплексного анализа идеологии и культовой практики митраистических общин в пределах Италии представляется инновационной. Целью исследования является определение роли и места митраизма в религиозной жизни Италии имперского периода. Исходя из цели исследования, решается ряд задач: 1) распространение культа в пределах Италии (география митраизма); 2) характеристика социального и этнического состава общин; 3) реконструкция культовой практики митраизма; 4) характеристика идеологии культа; 5) анализ характера взаимоотношений митраизма с другими культурами (восточными, греко-римскими, особенно - с христианством);

б) роль митраизма в движении религиозного синкретизма III-IV вв.

Одной из важнейших задач, достигаемых в ходе исследования, нам представляется разрушение некоторых стереотипов, утвердившихся в отечественном антиковедении: 1) о превалировании военных среди дедикантов Митры; 2) о митраизме как о "религии господ"; 3) о сомнительной "ориентальности" культа Митры; 4) о чрезвычайной жестокости инициаций.

Источники. Изучение митраизма сопряжено с определенными трудностями, обусловленными полным отсутствием религиозной литературы. Основными источниками по истории митраизма в Италии, впрочем как и в других регионах, являются данные эпиграфики и иконографические свидетельства. Источниковой базой исследования послужили 217 надписей, собранных в "Корпусе" Фермазерена (*Corpus inscriptionum et monumentorum religionis Mithriacae*), а также публикации археологических и эпиграфических памятников, появившиеся в научной литературе после выхода "Корпуса" в свет. Следует отметить, что, несмотря на давность "Корпуса", этот свод источников так и не был востребован отечественным антиковедением. Орывочные сведения об отдельных аспектах культовой практики и идеологии митраизма содержатся в нарративных источниках у Плутарха, Цельса, Порфирия, Элия Лампридия, Тертуллиана. Однако письменные источники могут быть использованы лишь для дополнения и корректировки информации, полученной на основе данных эпиграфики и археологии. Скрытность мистериальных культов, обусловленная спецификой обрядовой практики, не позволяла иметь исчерпывающую информацию о них даже современникам. Если же говорить об отцах церкви (Тертуллиан, Григорий Назианзин), то их свидетельства должны восприниматься с учетом ярой неприязни христиан к язычникам вообще, а в особенности к митраистам.

Поскольку митраизм никогда не имел государственного (официального) статуса, то не могут быть использованы и данные римской нумизматики.

Степень изученности темы. В качестве самостоятельного объекта исследования митраизм, как и восточные культы

в целом, в отечественном антиковедении не фигурировал. В российской науке были представлены исследования, посвященные проблемам римской культуры, религии, где в той или иной степени были отражены вопросы, связанные с распространением и идеологией "восточных культов".

В русском антиковедении пионером в исследовании проблем кризиса и падения античного мира был С.В.Ешевский. Взгляды Ешевского на эволюцию римского политеизма, изложенные в работе "Очерки язычества и христианства" (1873), оказали на дальнейшее изучение этой проблемы в русской науке необычайное влияние. Ослабление римского политеизма он относит уже к концу республики. Причины падения римского язычества Ешевский видел в распространении философии (среди господствующих классов) и распространении в народных массах чуждых верований, а следовательно, и ослабление их собственных. Ешевский четко отграничивает так называемые "восточные культы" от традиционной римской религии, безусловно относя их к "чуждым". Распространение же восточных мистерий Ешевский считал объективным явлением, обусловленным, с одной стороны, потребностями веры (поскольку традиционный римский пантеон эти потребности не удовлетворял), а с другой стороны - широкими контактами с исконными носителями этих верований.

Среди многих проблем античной истории, занимавших умы русских ученых, проблема "восточных культов" явно не относилась к разряду приоритетных. Следует упомянуть работы А.Садова (1889, 1899), Н.Я.Киприановича (1889), Н.Тумасова (1880). Последние два автора придерживались концепции кризиса римского язычества, признавая факт распространения восточных культов в качестве симптома этого кризиса. Садов же считал иначе, утверждая, что "римский языческий мир не находился в полном религиозном и нравственном разложении, как это представлено в большинстве сочинений." В область научных интересов Ю.Кулаковского проблемы религиозного развития не входили. Однако в монографии "Коллегии в Древнем Риме" (1882) уделено внимание религиозным коллегиям, среди которых представлены общины поклонников Митры.

В начале XX в. общепризнанным авторитетом в области изучения античной культуры и греко-римской религии (особенно

имперской эпохи) считался Фаддей Францевич Зелинский. Основные его штудии составили цикл "Из жизни идей" (1905-1907 гг.). Конец республики Зелинский связывал с упадком греко-римской религии. Одной из важнейших черт "новой религиозности" была жажда очищения от греха и спасения. В значительной степени этим запросам отвечал культ Исиды, в определенной мере - Кибелы. Большую роль, по мнению Зелинского, в восточно-римском синкретизме сыграл культ Митры. Религия Митры - деятельная и мужественная религия, дополняющая "женскую" религию Кибелы. По характеру и поставленным научным целям к творчеству Зелинского приближался М.С.Корелин.

Достаточно много внимания уделено проблеме восточных культов в работах Ивана Турцевича. Он придерживался точки зрения, что восточные культы имели некоторую тягу к прозелитизму и стремление к уподоблению себе других богов (синкретизм), тем самым подрывая классическую греко-римскую религию. В работах А.Трачевского и И.В.Нетушила предпринимаются попытки объяснить кризис римской религии не только духовными, но и социально-экономическими процессами. Нетушил, кроме того, отмечает, что хотя римские боги и сохраняют определенное влияние, восточные культы пользуются приоритетом среди верующих (особенно Митра и Исида).

Как бы на рубеже двух научных традиций (русского антиковедения и советского) появляется работа Н.А.Куна "Предшественники христианства" (М., 1922). Будучи сугубо компилятивным, данный труд является ценным хотя бы потому, что он единственный в российском и советском антиковедении целиком и полностью посвящен проблемам восточных культов.

В отечественной науке тем не менее были представлены исследования, посвященные проблемам римской культуры, религии, где в той или иной степени были отражены вопросы, связанные с распространением идеологии "восточных культов". В первую очередь необходимо отметить работы Е.М.Штаерман такие, как "Мораль и религия угнетенных классов Римской империи" (1961), "Кризис античной культуры" (1975) и "Социальные основы религии древнего Рима" (1987). Краткие упоминания о роли восточных культов в идеологической и организационной подготовке почвы для принятия и

распространения христианства имеются в обширной литературе по раннему христианству (Ковалев С.И., Голубцова Н.И., Виппер Р.Ю., Кубланов М.М., Ленцман Я.А., Ранович А.Б., Свенцицкая И.С.). Фрагментарные упоминания восточных культов встречаются в работах, посвященных отдельным римским провинциям: Дакии (Кругликова И.Т.), Паннонии (Коловская Ю.К.), Мезии (Златковская Т.Д.), Британии (Перфилова Т.Б.). Исключением являются работа Соловьянова Н.И., характеризующая религиозную жизнь римской армии в Нижней Мезии и Фракии (1986) и статья Садовской М.С., посвященная восточным культам в Римской Британии (1983).

Духовная жизнь Рима имперской эпохи привлекала внимание большого числа зарубежных исследователей, поэтому обратимся к характеристике авторов, представляющих наиболее типичные точки зрения на процессы, происходящие в области религиозной жизни.

В центре внимания французского исследователя Гастона Буассье была не только религия, но и философия, мораль, политическая идеология. Его основные взгляды изложены в книгах "Римская религия от времен Августа до Антонинов" (1878) и "Падение язычества" (1892). Буассье признает кризис традиционного римского политеизма, относя его первый этап к концу республиканского периода. В отличие от господствующей в то время концепции, Гастон Буассье считал, что первые века империи были не углублением кризиса и разложением римского политеизма, а наоборот, его стабилизацией. Восточные культы, по мнению Буассье, обогатили римский политеизм, наделив его теми качествами, которых ему недоставало: роль жреца как посредника между богом и людьми, эмоциональный характер верований, разработанная концепция загробного мира. Исследование Жана Ревилля "Религия в Риме при Северах" (1898) заметно отличается от работ Буассье. Ревиль стремится понять объективные причины религиозных изменений, происходивших в III веке. Большую часть своей работы Ревиль как раз и посвящает анализу роли восточных культов, их влиянию на религиозную жизнь империи, масштаба их распространения. По его мнению, восточные культы играют значительную роль не только в религиозной, но и в духовной жизни Рима.

Духовная жизнь древнего Рима была объектом исследования известного античника, профессора Кенигсбергского и Страсбургского университетов Людвиг Фридендера. Его взгляды на судьбу римского политеизма во многом совпадали с точкой зрения Гастона Буассье. Одной из первых работ в западноевропейской историографии, целиком посвященной культу Митры, безусловно, может считаться труд Феликса Лажара, вышедший в Париже в 1847 году: *"Introduction a l' etude du culte public et des mysteres de Myhtra en Orient et en Occident"*. Хотя автор и назвал его "Вводным", но собрал практически все, что было известно к тому времени о митраизме. Однако "патриархом" митраистики по праву считается бельгиец Франц Кюмон, чьи произведения до сих пор сохраняют научное значение. В 1896 - 1899 годах Кюмон выпускает полный перечень нарративных и эпиграфических свидетельств митраизма, а также монографию, посвященную культуре (*Textes et monuments, figures, relatifs aux mysteres de Mithra*). В начале XX века в Западной Европе и Америке выходит ряд работ, посвященных митраизму (Дж.Робертсона, А.Дейтериха, Б.Мида, В.Фитиана-Адамса и др.), однако ни одна из них не претендует на то, чтобы стать рядом с монументальным трудом Кюмона. Почти на столетия Франц Кюмон становится практически единственным авторитетом не только в области проблем, связанных с митраизмом, но и другими "восточными культурами", а также астрологией в античном мире. Не ограничиваясь описанием, Франц Кюмон пытался определить место митраизма в структуре римского политеизма, охарактеризовать его взаимоотношения с христианством. Кюмон всячески подчеркивал чрезвычайную популярность и широкое распространение митраизма в империи в большей степени, чем другие восточные культуры, составляющего конкуренцию христианству.

Следует отметить, что практически сразу после появления работ Кюмона у него появился оппонент в лице Тутена. Обсуждаясь с Кюмоном по ряду положений (в частности, не признавая иранского характера культа), Тутен не считал митраизм необычайно масштабным явлением в пределах империи. То есть уже на заре митраистики появляются две прямо противоположные точки зрения на роль и место культа Митры

(чаще речь идет о восточных культах) в духовной жизни римской империи и структуре римского политеизма, в частности.

В 40-80 годы достойным продолжателем дела Кюмона стал М.Формазерен. Научный интерес его был сосредоточен в области изучения проблем восточных культов в Римской империи, хотя приоритет, безусловно, был отдан Митре. Формазерен издал полный свод надписей и археологических памятников, имеющих отношение к митраизму. В 1956 году вышел первый том, посвященный памятникам Западной Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. В 1960 году выходит второй том, посвященный памятникам митраизма Восточной Европы и Германии. "Корпус" Формазерена до сих пор остается единственным комплексным источником по проблемам митраизма. Формазерен сознательно уходил от излишней социологизации, не ставил глобальных проблем о социо-экономической детерминированности той или иной формы культа. Основной своей целью он поставил как можно более полное изучение содержания митраистической идеологии, культовой практики, реконструкции возможных путей распространения верований, а также его контактов с другими верованиями, хотя попытки определить социальную и профессиональную принадлежность дедикантов (в той мере, в которой позволяют источники) предпринимались и Формазереном. Необычайно ценным для изучения проблем религий античности явилась тематическая серия, основанная Формазереном, - *Etudes Preliminaires aux Religions orientales dans L'Empire Romain*, - в рамках которой в Лейдене вышло более сотни книг по различным аспектам восточных культов. Наиболее заметной была тенденция публикации новых или заново исследованных памятников с территории Европы, в том числе и с территории Италии (Vermaaseren M.J. *The mithraeum et Ponz.* - Leiden, 1974; Tran Tam Tinh Y. *Le culte des divinites orientales en Campanie.* - Leiden, 1972; Sfamemi G.G. *I culti orientali in Sicilia.* - Leiden, 1973). Кроме того, выходили работы, посвященные общим проблемам митраизма: идеологии и культовой практике, генезису, судьбам иранского культа в отдельных регионах и в империи в целом. Одной из базисных работ по проблемам идеологии митраизма в мировой науке признана книга Л.Кэмпбелла "Иконография и идеология митраизма" (1968) С начала 80-х годов одним из ведущих авторитетов в области "восточных культов", в

том числе и митраизма, становится француз Роберт Туркан, выпустивший одну из основательных монографий по культуре Митры в 1981 году, а за шесть лет до того - первую в митраистике работу, посвященную влиянию платонической философии на идеологию митраизма (*Mithras Platonicus*). В 1989 году Роберт Туркан выпустил обобщающий труд, посвященный всем восточным культам, распространенным в империи (*Turcan R. Les cultes orientaux dans le monde romain*).

Среди обобщающих трудов по проблемам митраизма, безусловно, выделяется монография Рейнольда Меркельбаха "Митра" (1984). Она не претендует на то, чтобы заменить "Корпус" Формазерена, уступая ему по количеству и объему привлекаемых источников. Однако ценность работы Меркельбаха в том, что она вводит в научный оборот ряд археологических и иконографических памятников Германии и Паннонии. Научные интересы Меркельбаха охватывают наиболее важные проблемы митраистики: генезис культа, особенности идеологии (включая влияние платонизма и астрологии), элементы культовой практики.

Характеризуя изучение проблемы "восточных культов" в современном антиковедении, нельзя не упомянуть труд Вальтера Буркерта "Мистические культы античности" (1987). В.Буркерт посвятил свою работу сравнительному анализу мистических культов античного мира как "восточных" (Митра, Кибела, Исида и Серапис), так и греко-римских (Элевсинские мистерии, культ Диониса-Бахуса).

Автор монографического исследования "Мистические религии античного мира" (1981) Йосцелин Гудвин не отказывается ни от понятия "восточные культы", ни от оценки их роли в эволюции римского политеизма. Гудвин утверждает, что восточные культы хотя и могут считаться симптомом кризиса римского миросозерцания, объективно способствовали "попытке починить обветшалое здание язычества" (*Godwin J. Mystery religions in the ancient world. - L., 1981. - P.6*). Особое внимание он обращает на "замкнутость" митраистических общин, по его мнению, более походивших на "мужские клубы", чем на религиозные ассоциации. В вопросе происхождения митраизма, которому также уделено немало места в исследовании Гудвина, он придерживается теории "гениального одиночки-ясновидца", весьма оригинальной и идущей даже далее креационистской концепции Туркана о

митраизме как "ученой религии". Касаясь вопроса о социальном составе адептов культа, Гудвин отмечает его демократизм.

Проблемы, связанные с распространением митраизма в империи, находят отражение в монографиях, посвященных римской религии, а также в работах, освещающих кризис античной цивилизации в последние века существования империи (Ferguson J., Fox R.L., Smith J.H., MacMullen R., Bowder D., Geffcken J.). Все исследователи единодушны в признании огромного влияния "восточных культов", в их числе и митраизма, на религиозную и духовную жизнь империи в III-IV веках н.э.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее содержание и полученные результаты могут быть использованы при создании целого ряда учебных курсов: духовная жизнь древнего Рима в период империи, история религии древнего Рима, эволюция античного менталитета в эпоху империи.

Апробация результатов исследования. Основное содержание работы и выводы отражены в публикациях автора, докладах на Державинских чтениях в ТГУ им Г.Р.Державина (1994, 1995, 1996 гг.), а также на Всероссийской научной конференции "Запад и Восток: традиции, взаимодействие и новации" (Владимир, 1995).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, а также примечаний и списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** рассматривается актуальность исследования, показана степень изученности поставленных проблем в российской и зарубежной историографии, изложены предмет, цели и задачи диссертации, дана характеристика источниковой базы, определена научная новизна работы.

В *первой главе* "Распространение митраизма в Италии" дана характеристика основных тенденций развития духовной жизни Италии периода империи, политических, социальных, социально-психологических и идеологических условий распространения восточных культов. Характеризуется генезис митраизма, анализируются масштабы и особенности распространения культа Митры в пределах отдельных регионов Аппенинского полуострова. Особое внимание уделено характеристике социального и этнического состава митраистических общин.

Ведущей тенденцией духовной жизни Римской империи во II-IV веках н.э. был значительный рост религиозного фактора. Традиционные греко-римские культы, сохраняя определенное число приверженцев, теряли кредит доверия у италийцев. Неслучайно именно со II века фиксируется увеличение числа христианских общин. Важнейшим показателем кризиса традиционного греко-римского политеизма является широкое распространение в пределах Италии мистериальных культов ориентального происхождения: Исиды и Сераписа, богини Сурии, Юпитера-Долихена, Кибелы и Аттиса, Митры.

Тяжесть имперской власти, нивелирующей все социальные слои и сословия италийского общества, унижающей перед лицом императора сенатора и вольноотпущенника, римлянина и провинциала, продуцирует в обществе чувство безысходности, ощущение тотальной зависимости от чужой (чаще недоброй) воли, неуверенности в завтрашнем дне и пессимизм. Империя, созданная "на благо римлян и италиков", оказалась силой, их удушающей.

Кризис греко-римского политеизма в период поздней античности был одним из проявлений глобального кризиса всей античной цивилизации. Гражданская община (*civitas*) как форма конкретно-человеческой общности, предполагающей взаимную солидарность и ответственность свободных граждан-собственников, разрушалась. Традиционные полисные связи, на которых покоилось все античное мироустройство, либо разрывались, либо были сфальсифицированы имперским режимом. Кризис гражданской общины не мог не сказаться и на римской (италийской) фамилии, которая была тесно связана с полисным укладом жизни. Эрозия семейных связей разрушала последние прочностные структуры античного миропорядка.

Индивидуализация поведения как следствие кризиса античных социальных структур имела параллели и в религиозной жизни. Даже поиск спасения от невзгод стал носить индивидуалистический характер. Подданный империи искал личного бессмертия, спасения в потусторонней жизни, поддержки и опоры в жизни земной. Греко-римские боги не были ни "внемлющими", ни сочувствующими. Потребность же в интимном общении с божеством могла реализоваться либо в русле восточных мистерий, либо в христианстве.

Митраизм являет собой пример одной из наиболее динамичных религиозных структур, в значительной степени отвечающих духовным запросам периода поздней античности. Культ Митры как самостоятельное религиозное течение, генетически восходя к иранской религиозно-мифологической традиции, окончательно формируется за пределами собственно иранского мира. Вероятнее всего, это происходило в пределах Малой Азии, где со времени ахеменидской экспансии возникли колонии этнических персов. В это же время Митра попадает в пантеоны владык Каппадокии, Коммагены и Армении. Самое раннее упоминание культа Митры в римских нарративных источниках содержится в "Фиваиде" Стация и относится к первой половине I века н.э. (Staius. Thebais., I, 719). Плутарх отмечал, что культ Митры был заимствован солдатами Помпея у киликийских пиратов (Plut. Pomp., XXIV). Самый ранний из известных эпиграфических источников, принадлежащих культу, найден в Риме и относится к концу I - началу II века н.э. В столице империи сконцентрировано наибольшее количество памятников митраизма (130 надписей из 217 италийских, около 100 святилищ). Данные археологии и эпиграфики фиксируют распространение митраизма в Лации, Кампании, на Сицилии в первой половине II века н. э. В Этрурии первые митреумы появляются со второй половины II века н.э., а в Транспаданской Галлии - около середины III века н.э. К середине III века митраизм был представлен практически на всей территории Аппенинского полуострова: в Этрурии (во Флоренции, Вольсиниях, Пизе, Рузеллах, Сутриях, Торрите, Сене), Лации (в Риме, Остии, Эзернии, Антии, Ланувии, Пренесте, Тибуре, Альбе), Умбрии (в Нарнии, Сентинии, Сполетии, Окре), Кампании (в ПUTEОЛАХ, Неаполе, Капуе), Лигурии, Пицене, Апулии, Брутии, на островах:

Искья, Пандатерия (Понза), Сицилия (в Сиракузах, Агригене, Катанье, Панорме, Липаре).

Примечательно, что общины митраистов возникают не только в Риме и крупных городах, но и на италийской периферии. Как показывают исследования, степень насыщенности отдельных регионов памятниками митраизма неодинакова, но его распространение не зависит от уровня урбанизации: "сельская" Транспаданская Галлия не менее богата памятниками митраизма, чем Лаций.

В пределах отдельных населенных пунктов митраисты представляли собой не просто группы единоверцев, но особые сообщества "избранников божества", противостоящие остальному миру. Однако "сепаратизм" митраистов не носил конфронтационного характера, они были "вне" общества, а не против общества. Чрезвычайная скрытность митраистов, отличительная даже на фоне других восточных мистерий, была следствием специфики их культовой практики и идеологии, но не результатом преследования властей. В Капуе, например, митреум располагался в одном из центральных районов города, рядом с Капитолием - в ближайшем окружении официальных городских культов. В Транспаданской Галлии одно из святилищ было возведено на месте, предоставленном по декрету декурионов. В Путеолах дедикант Митры посвящает надпись "Солнечному Богу и гению колонии". Однако нет оснований говорить об особом расположении властей по отношению к культу. Митраизм никогда не был государственной религией, хотя некоторые императоры (Коммод, Юлиан) были адептами культа. Нередкие среди митраистских надписей посвящения римским императорам являются типичным для поздней античности проявлением сервизма.

Данные археологии и эпиграфики из Рима, Остии, Транспаданской Галлии указывают на то, что митреумы первоначально возникали в частных домах, лишь позже проникая в общественные здания. Святилища Митры располагались равномерно в пределах отдельных регионов города.

Анализ социального состава митраистических общин позволяет признать ошибочность распространенной в отечественном антиковедении точки зрения на митраизм как на "религию господ". Среди адептов Митры ни в Италии в целом, ни

в отдельных ее регионах представители господствующих сословий (сенаторы и всадники) не составляли большинства. В составе митраистических общин были представлены отпущенники и рабы (императорские и частные), свободные ремесленники, торговцы, лица наемного труда. Характер пожертвований, состояние убогства отдельных митреумов указывают на весьма различную степень благосостояния как отдельных митраистов, так и общин. Данные эпиграфики из Италии не подтверждают тезиса, что митраизм - религия военных. Ни в одном из итальянских регионов, кроме Транспаданы, военные не составляли сколь-нибудь значимого процента среди адептов культа.

Привлекательность митраизма, видимо, как раз в том и состояла, что он исключал социальную или имущественную дискриминацию. Культ Митры предоставлял равные возможности стать "избранным" рабу и рабовладельцу, судовладельцу и докеру, сенатору и отпущеннику. Более того, человек, стоящий на низшей ступени социальной лестницы, мог достигать высших степеней в культе.

Данные ономастики позволяют высказать предположение об этническом составе митраистических общин. Подавляющее большинство митраистов носили римские имена, то есть либо являлись этническими италиками, либо считали себя таковыми. На втором месте по численности стоят носители греко-римских (смешанных) имен, видимо, потомки греков-отпущенников. На третьем месте - носители греческих имен (возможно, этнические эллины). Таким образом, адептами культа иранского Митры являлись люди, целиком и полностью принадлежащие античной цивилизации. Очевидно, их духовный выбор был сделан не по этнической предопределенности (как иудаизм у евреев или зороастризм в сасанидском Иране), а сознательно в связи с глубокой неудовлетворенностью традиционными греко-римскими верованиями.

Во *второй главе* диссертации "Идеология и особенности культовой практики митраизма" анализируются мифологические, космологические, астрологические и сотерологические представления итальянских митраистов. На основе анализа иконографических и эпиграфических свидетельств характеризуются основные обряды и таинства культа Митры, иерархическая структура и поло-возрастной состав общин.

Митраизм принадлежит к категории религий, лишенных собственной литературной традиции. Можно предположить, что такая изошренная, насыщенная символизмом религия не могла обходиться без сакральной литературы. Косвенным доказательством существования текстов могут служить изображения магов со свитками из митреума Дура-Европос. Наиболее полная реконструкция мифологии митраизма возможна только на основе анализа иконографических данных. Данные нарративных источников (Порфирий, Плутарх) фрагментарны и могут быть использованы лишь для некоторой корректировки иконографических свидетельств.

Митраизм не был жестко догматизирован как христианство или иудаизм, но тем не менее имел некоторую тенденцию к унификации. В митраизме существовала система взглядов и представлений, составляющая духовную основу, канву культа. Наличие единого мифа (системы мифов?) считают бесспорным такие исследователи, как В.Буркерт и Л.Кэмпбелл.

Анализ ряда иконографических памятников Италии позволяет выявить наличие основного культового мифа, повествующего о рождении и подвигах Митры, среди которых выделяется два основных сюжета: противоборство, а затем примирение с богом Солнце и жертвоприношение быка (Таврохтония). Принадлежность митраизма к кругу ориентальных мистерий предполагала чрезвычайную символическую насыщенность культа. В мифологии митраизма Митра - Космократор и Демиург. Будучи солярным божеством, Митра тем не менее не идентичен самому Солнцу - божеству солнечного диска. Митра - бог животворного солнечного света, он не просто Солнце Непобедимое (*Sol Invictus*), но и Всемогущий (*Omnipotenti*). В этой плоскости лежит объяснение, на первый взгляд, парадоксального факта борьбы Митры и Солнца, а затем сцены инвеституры Солнца.

Таврохтония - изображение ритуального заклания священного быка - центральное событие мифологии митраизма. "Митра-Таврохтон" - самый распространенный памятник митраизма - неперенный атрибут каждого святилища. Только в Риме было обнаружено 43 рельефа, не считая фресок. Можно предположить, что сцена Таврохтонии имела в митраизме первостепенное значение, будучи ядром культового мифа. Поэтому как можно более полная интерпретация сцены Таврохтонии имеет

чрезвычайную важность для понимания сущности культовой идеологии и религиозной практики митраизма. На "Таврохтониях", обнаруженных на территории Аппенинского полуострова и Сицилии, как правило, изображается Митра, поражающий быка кинжалом, а также его спутники: юноши с факелами (Каута и Каутопата), собака, змея и скорпион, несколько реже - ворон. Иногда Таврохтония изображается происходящей в гроте (пещере). Все изображаемое на Таврохтонии не просто символично, а полисимволично, то есть может иметь в мифологическом контексте несколько смысловых значений.

"Пещера" - один из немногих символов, имеющих объяснение в письменной традиции (Porph. De antro nymph., 6) - символ космоса, устройтелем которого является сам Митра. В русле космологических и астрологических представлений митраизма необходимо рассматривать изображение звезд и планет на плаще Митры. В этом же контексте возможна интерпретация изображений знаков Зодиака и символов Солнца и Луны на "Таврохтониях". С космологическими и астрологическими представлениями митраизма, безусловно, связаны изображения Айона (Aion - Deus Aeternus) - бога "Бесконечное время". Айон также часто изображается со знаками Зодиака. Каждой степени митраистской иерархии (согласно данным эпиграфики из Рима и Остии) соответствовала определенная планета-покровитель. Некоторые граффити из митреумов Рима, надпись из Медиолана, принадлежащая Марку Валерию Максиму, "сведущему в астрологии", дополняют наши представления об астрологических аспектах идеологии митраизма. Наконец, напрямую связываю культ Митры с астрологией Порфирий (Porph. De antro nymph., 24) и Цельс (Origenes. Contra Celsum, VI, 21-22). Космология и астрология занимали в идеологии митраизма значительное место, но Митра привлекал верующих не столько возможностью познать истоки мироздания, предугадать собственную судьбу, сколько надеждой на воскресение и обретение индивидуального бессмертия. Митра - не только Космократор и Демиург, но и "транзитный" бог, посредник между Ахура-Маздой и людьми. Кроме того, Митра - бог справедливости и договора, то есть именно тот бог, который обладает всеми качествами для содействия своим adeptам в обретении "жизни вечной".

Немногочисленные, но достаточно выразительные эпиграфические свидетельства позволяют судить о чаяниях последователей митраизма. В римском митреуме Санта-Приска среди степеней посвящения имеются граффити, констатирующие стремление митраистов обрести бессмертие, в другой надписи митраисты надеются "воскреснуть в вечности". Один из adeptов культа обращается к "Непобедимому Митре - бескорыстно внемлющему и поистине ограждающему".

Вся религиозная жизнь митраистов строилась вокруг подземного святилища - митреума. Митреум собирал от 30 до 50 верующих. Членство в митраистских общинах носило индивидуальный характер и письменно фиксировалось (граффити с именами дедикантов имеются в Риме, Остии, умбрийском Сентинии). Самым важным видом религиозного действия мистерияльного культа был обряд инициации - посвящение в мисты. Согласно данным эпиграфики и иконографическим свидетельствам в митраизме существовало семь степеней посвящения: 1. Отец; 2. Бегун Солнца; 3. Перс; 4. Лев; 5. Воин; 6. Нимфа; 7. Ворон. Среди италийских надписей, помимо традиционных степеней посвящения, фигурируют также "сащердоты", "антисты", "иероцерикусы" бога Митры. Вероятнее всего, все эти термины обозначают лиц, принимающих участие в организационно-распорядительной деятельности культа. Сащердоты и антисты известны в других восточных мистериях (Исиды и Сераписа, Кибелы и Аттиса), а в культе Гекаты упоминаются иерофанты. Митраизм, начисто лишенный открытых обрядов, не мог допустить к организации культовых действий людей, не прошедших обряд инициации. Следовательно, можно предположить, что все эти категории служащих культа имели степени посвящения. Наряду с различными категориями жречества, в эпиграфических свидетельствах фигурируют религиозные коллеги митраистов.

Инициация представляла собой основной обряд митраизма, направленный на ритуальное изменение статуса человека, приобщавшегося к богу и обретавшего "инобытие". Имея описание степеней митраистской иерархии, планет, покровительствующих каждой степени, мы не имеем полной информации о процессе инициации. Христианские авторы сводят все к вопросу об использовании пыток и истязаний. Упоминает о

смерти в процессе инициации Элий Лампридий, отмечая, правда, что Коммод "осквернил обряд настоящим человекоубийством" (*Scriptores Historiae Augustae, Comm., IX, 6*). Следует отметить, что Лампридий признает в культовой практике митраизма наличие обряда лишь имитирующего смерть.

Фрески из митреума Капуи дают нам возможность представить обряд инициации в степень "Бегун Солнца", состоящий из пяти последовательных этапов: 1. Начало инициации ("интродукция"); 2. Испытание огнем; 3. Инсценирование "смерти" миста; 4. Коронование миста; 5. Сцена братского объятия. Как видим, инициация была театрализацией одного из мифологических сюжетов митраизма - "противоборство Митры с Солнцем". Фрагментарные свидетельства отцов церкви (Тертуллиана и Григория Назианзина), Апулея дополняют наши представления о характере обряда инициации. Комплексный анализ источников позволяет утверждать, что обряд посвящения не был излишне жестоким и предполагал скорее поразить воображение миста, чем подвергнуть его реальным испытаниям. Можно однозначно отказаться от предположения, что митраисты допускали человеческие жертвоприношения в процессе культовой практики. Смерть и мертвое тело в рамках иранского дуализма - средоточие зла. Митраисты не могли осквернить свое святилище убийством. Наличие водных бассейнов в некоторых митреумах подтверждает свидетельства Тертуллиана об использовании воды в обрядах митраистов.

Вторым по значимости в культовой практике митраизма был обряд священной трапезы. В основном мифе митраизма трапеза завершает инвеституру Солнца и предшествует восшествию Митры и Солнца на небо. Иконографические свидетельства, данные археологии и эпиграфики позволяют довольно точно охарактеризовать культовую трапезу. В ходе трапезы, для которой конструктивно митреум был вполне приспособлен, употреблялись мясо, вино, хлеб. Граффити из митреумов фиксируют также использование масла и редиски. Osteологические материалы из Ангеры позволяют конкретизировать состав мясной пищи: крупный и мелкий рогатый скот, домашняя птица.

Одним из новшеств, привнесенных ориентальными мистериями в культовую практику античности, были регулярные богослужения (*Apul. Metamorph., XI, 19*). Митраизм вряд ли был

исключением. Митраистические литургии могли включать в себя произнесение молитв, пение гимнов в честь божества, возможно, какой-то вид проповеди. В митреуме Капуи обнаружена надпись сакральной формулы, не поддающаяся прочтению. Текст молитвы, обнаруженный в одном из римских митреумов, упоминает Е.М.Штаерман (Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. - М., 1987. - С. 240).

Одной из особенностей культа, которая привлекала внимание современников, был исключительно мужской состав дедикантов. Однако есть упоминания Тертуллиана и Порфирия об участии женщин в обрядах (Tert. Praescr. haerit., XL; Porph., De abstin, IV, 16). Разрешить этот вопрос с полной определенностью могут лишь данные эпиграфики. Из двух сотен надписей мы имеем всего три, где упоминаются женщины. Причем в одной надписи говорится о тавроболях, проводимых совместно с поклонниками Кибелы, в другой - имя женщины зафиксировано на рельефе Айона, и только в третьей - женщина оставляет посвящение Митре. Нет ни единого упоминания о посвящении женщины хотя бы в одну из степеней митраистской иерархии, а следовательно, женщины не могли быть полноправными членами митраистской общины.

В *третьей главе* диссертации "Митраизм в структуре религиозной жизни Италии" анализируются условия, характер и особенности контактов митраизма с иными культурами (ориентальными, греко-римскими) и христианством. Взаимовлияние различных религиозных структур рассматривается на идеологическом, организационном и личностном уровнях. Особое внимание уделяется характеристике роли митраизма в процессе религиозного синкретизма, получившего необычайный импульс в период поздней античности.

Митраизм, обладая определенной системой космологических, мифологических, сотерологических представлений и имея тенденцию к унификации, тем не менее никогда не был догматизированной религией. Идеология митраизма развивалась свободно, соединяя в себе базисный зороастрийский (иранский) субстрат с элементами семитической (переднеазиатской) астрологии, греко-римского политеизма и даже платонической философии. Митраизм являл собой наиболее яркий пример синкретической религии периода поздней античности. При этом

античный (греко-римский) мир никогда не считал митраизм "своей" религией. Митра продолжал оставаться для Лукиана "мидийцем", а для Плутарха и Стация - "персом".

Посвящение в культ Митры не предполагало отказа от веры в других богов. В иерархии религиозных ценностей "правоверного" митраиста Митра был либо значимее других божеств, либо совмещал в себе их наиболее существенные качества. Во II-IV веках н.э. в пределах римской империи распространялись многие восточные культы, но не все пользовались большой популярностью и не все были связаны с культом Митры.

Култ Кибелы и Аттиса принадлежал к кругу оргиастических мистерий и внешне совсем не походил на строгий и аскетичный митраизм. Тем не менее точки соприкосновения у двух культов были: проведение совместных тавроболий и криоболий. Вопреки устоявшемуся мнению, жертвоприношения быков в митреумах никогда не проводились. Но сакральный смысл тавроболии был чрезвычайно созвучен идеологии митраизма - "возродиться в вечности". В период великого синкретизма IV века многие митраисты одновременно становятся адептами культа Кибелы и Аттиса.

В конце II - начале III века н.э. одним из ярких примеров синкретизма (правда не выросшего из недр духовной жизни, а инспирированного имперской властью) является культ мелкого сирийского ваала, приравненного к римскому Юпитеру - Юпитера-Долихена. В римских митреумах встречаются посвящения Долихену, а в долихенумах - Митре. Близость культов могла определяться как схожестью социальной базы, так и близостью идеологий. Митра, как и Долихен, - Космократор и Деминург, гарант честности и справедливости. Солнце занимает важное место в культе Долихена, а Митра - соляное божество.

По количеству эпиграфических источников, обнаруженных в пределах Италии, египетские культы являются безусловными лидерами из всех восточных мистерий, уступая митраизму только на территории Рима. Митраизм имел ряд сходных черт в идеологии и культовой практике с культом Исида: наличие развитой концепции загробной жизни с учением о грехе и воздаянии, инициации в несколько степеней культовой иерархии, влияние неоплатонизма. Однако культ Митры носил ярко выраженный мужской характер, а Исида была богиней

универсальной. Поэтому митраизм в большей степени тяготел не к культу Исиды, а к культу Сераписа. Серапис имел собственные мистерии, храмы и жрецов. Известна надпись из терм Каракаллы, посвященная Серапису, Митре, Гелиосу и Зевсу, где все боги названы "Всемогущими и Космократорами" - типичный пример синкретизма III века. Близость Сераписа и Митры обуславливалась в значительной степени их солярным характером. В ряде надписей из Рима, Лация, умбрийского Сентиния Серапис назван "солнечным". Кроме того, близость двух божеств определялась их ролью в загробном мире: они судьи человеческих душ. Развитие представлений о человеческой душе в митраизме и египетских культах связано с влиянием платонизма. На одном из саркофагов Остии среди изображений храма Исиды и Гора помещена фигурка Психеи - символ души. Изображение Психеи обнаружено на фресках митреума Капуи.

Наряду с Митрой, Сераписом и Долихеном в Италии распространялся сирийский культ Элагабала, активно насаждаемый императорской властью. Этот солярный культ из Эмесы в римском мире получил похожее с Митрой имя - Солнце Непобедимое. Несмотря на солярный характер, этимологическое сходство, Митра никогда не отождествлялся с Элагабалом. Митраизм даже в период своей наивысшей популярности оставался частным (терпимым) культом, не достигая статуса общеимперской идеологии.

Хотя фригийский Сабазий не имел прямого отношения к мифологии митраизма, его изображения и посвящения ему встречаются в митреумах. В религиозном сознании италиков Сабазий соотносился с Дионисом (Вакхом, Либером). Видимо, стержневая идея, сближающая Митра и Сабазия-Диониса была связана с обретением "жизни вечной". Дионис, как и Митра, был носителем абсолютной жизненной силы.

В некоторых римских митреумах, митреуме транспаданской Ангеры встречаются посвящения всей капитолийской триаде (Юпитеру, Юноне и Минерве). Эти надписи, видимо, не связаны с идеологией митраизма, а являются такими же проявлениями сервиллизма, как и посвящения римским императорам. Как известно, митраисты, нуждаясь в духовном утешении, видели свой путь к спасению, но не считали тотальную неприязнь к

другим культам (в том числе императорскому) обязательным условием достижения духовной цели.

Иконографические данные указывают на то, что в мифологии митраизма фигурировали Сатурн, Океан, Юпитер, богиня Теллус. Однако эти представители греко-римского пантеона не несли базисной смысловой нагрузки в идеологии митраизма. Второстепенный римский божок, не имеющий даже официального статуса, Сильван был связан с митраизмом. Посвящения Сильвану и его изображения имеются в митреумах Рима, Остии и Ангеры. На высокий статус Сильвана в глазах митраистов указывают эпитеты, сопровождающие посвящения ему: Святой, Непобедимый (как Митра). Сильван - покровитель пастбищ и стад, земледелия и плодородия. Безусловно, его роль детерминирована ведущим сюжетом митраистской мифологии - Таврохтонией. По мнению Ф.Кюмона, Сильван олицетворял душу жертвенного быка (Геуш-Урвана).

В митреумах, наряду с другими представителями греко-римского пантеона, фигурируют изображения Геркулеса и Меркурия и надписи, их упоминающие. Геркулес никак не связан с мифологией митраизма, но мотив Таврохтонии коррелирует два культа. Геракл (Геркулес), как и Митра, по приказу верховного божества укрощает критского быка и похищает коров Гериона. Геркулес, как и Митра, - борец с хтоническими силами. В мифологии митраизма и в мифах о Геракле есть эпизод противоборства и примирения с Солнцем.

В митреумах апулийской Венуции и Ангеры имеются посвящения Меркурию, а в Остии - святому Гермесу. Как известно, Меркурий-Гермес не только бог торговли, но и божественный гонец, а также Психопомп - проводник человеческих душ в подземный мир. Кроме того, Меркурий не чужд волшебству, обладая кадуцеем. В период поздней античности Меркурий ассоциировался с Гермесом-Трисмегистом - богом мистического знания (древнеегипетский Тот).

Характеристика роли и места митраизма в духовной жизни Италии не будет полной, если мы не коснемся проблемы его взаимоотношения с христианством. На сходство некоторых элементов идеологии и культовой практики митраизма и христианства обращал внимание еще Тертуллиан (Tert. Praescr. haer, XL.). Определенные параллели прослеживаются даже в

характере святилищ: подземное культовое помещение (митреум), ориентированное на проведение тайного ритуала, более походит на христианскую домашнюю церковь, чем на пышный античный храм. Стремление к неформальной религиозной общности, в закрытом святилище, собирающем ограниченное число единоверцев, сплоченных идей избранности, - насущная потребность духовной жизни Италии периода поздней античности. В наибольшей степени эта потребность реализовалась в митраизме и раннем христианстве.

Характер взаимоотношений христианских общин с другими культами (в том числе и митраизмом) определялся спецификой христианской идеологии и культовой практики: последовательный монотеизм не позволял совмещать веру в Христа с верой в других богов. Археологические исследования итальянских митреумов показывают, что после провозглашения христианства "терпимой" религией, в начале IV века, натиск на митреумы, особенно расположенные поблизости от христианских молелен, усилился. Ярким примером является постройка дополнительной стены вокруг римского митреума Санта-Приска. После эдикта Феодосия 392 года митреумы были разорены по всей Италии. Особая неприязнь к Митре была вызвана именно наличием большого числа сходных идей и ритуалов. Митраизм, бесспорно, был последним оплотом сопротивляющегося язычества, самым жизнеспособным его элементом.

Историческая победа христианства над митраизмом обуславливалась многими факторами (духовными, социальными, политическими), полный анализ которых не входит в нашу задачу.

Христианство было ревялиционистской религией - религией священных писаний, то есть имело мощную литературную традицию, которой был лишен митраизм. Не менее важным фактором в победе христианства была сама христианская община. Открытое неприятие античного мирозерцания, системы ценностей и морали, отказ от формального признания культа императоров превращал христианские общины в "противозаконные" сообщества. Однако преследования только укрепляли общины изнутри, способствуя формированию горизонтальных связей между общинами. Стремление к коллективному, а не индивидуальному спасению сплачивало христианские общности, закладывая основы будущей церковной

организации. Лояльные властям митраистские общины продолжали все это время быть "закрытыми клубами" верующих-мистиков, лишенных элементарной внешней активности. Не менее важным фактором, предопределившим поражение митраизма, была половая дискриминация. Отказывая женщинам в посвящении, митраизм лишался не только значительного количества эмоциональных и преданных последователей, но и опоры в семье.

В *заключении* диссертации подводятся итоги исследования и делаются основные выводы.

Основные положения диссертации изложены автором в следующих публикациях:

1. Иванов П.В. Митраизм в Остии (о роли восточных культов в жизни римского города) // Политика и идеология в древнем мире: Межвузовский сб. научных трудов. - М., 1993. - С. 80-95.

2. Иванов П.В. Распространение восточных культов в италийской области Кампания: Тезисы докладов к научной конференции преподавателей (25-30 апреля 1994 года). - Тамбов, 1994. - С. 47-48.

3. Иванов П.В. К вопросу о социальном и этническом составе митраистических общин в Транспаданской Галлии // Державинские чтения: Материалы научной конференции преподавателей. - Тамбов, 1995. - С. 69-71.

4. Иванов П.В. Митраизм в Риме: социальный и этнический состав общин // Запад и Восток: традиции, взаимодействие и новации: Тезисы Всероссийской научно-практической конференции 15-17.03.1995 г. - Владимир, 1995. - С. 14-15.

Подписано в печать 15.12.96 г. Формат 60×84/16. Объем 1,6 п.л. Тираж 130 экз.
Заказ № 1172. Бесплатно. 392008, Тамбов, Комсомольская пл., 5. Издательско-
полиграфический центр ТГУ им. Г.Р. Державина